

Француз **ДОМИНИК ВЕРНЕР** — известный европейский

импресарио. В России эта профессия только начинает утверждаться. Тем более интересно поговорить о ней со знающим человеком.

— Не так давно мы безуспешно пытались выяснить разницу между импресарио и продюсером...

— В ходу несколько названий. Термин «импресарио» идет из итальянского языка, где означает просто «предприниматель». Импресарский корпус сегодня включает артистического менеджера, менеджера гастролей и продюсера. В одной компании могут работать люди всех этих профессий. Но необязательно. Начнем с артистического менеджера. Его еще называют арт-агент. Он работает с индивидуалами. Ведет их карьеру. Обеспечивает ангажементы, организует все, что нужно для гастролей. Менеджер гастролей может работать с несколькими компаниями, оперными и балетными труппами, оркестрами. Он выбирает из репертуара уже существующий спектакль и прокатывает его. Так, например, я работаю с московским театром «Геликон-опера». Правда, здесь дело зашло дальше...

— Дальше — это как?

— Поскольку на «Геликон» существует немалый спрос, два года назад, например, я попросил их поставить новую «Травиату» для Европы и Америки. А через 14 месяцев снова предвидятся их гастролы в Америке: на этот раз я заказал им «Сельскую честь» и «Паяцы».

— А чем занимается продюсер? В нашем расхожем представлении это человек, достающий деньги.

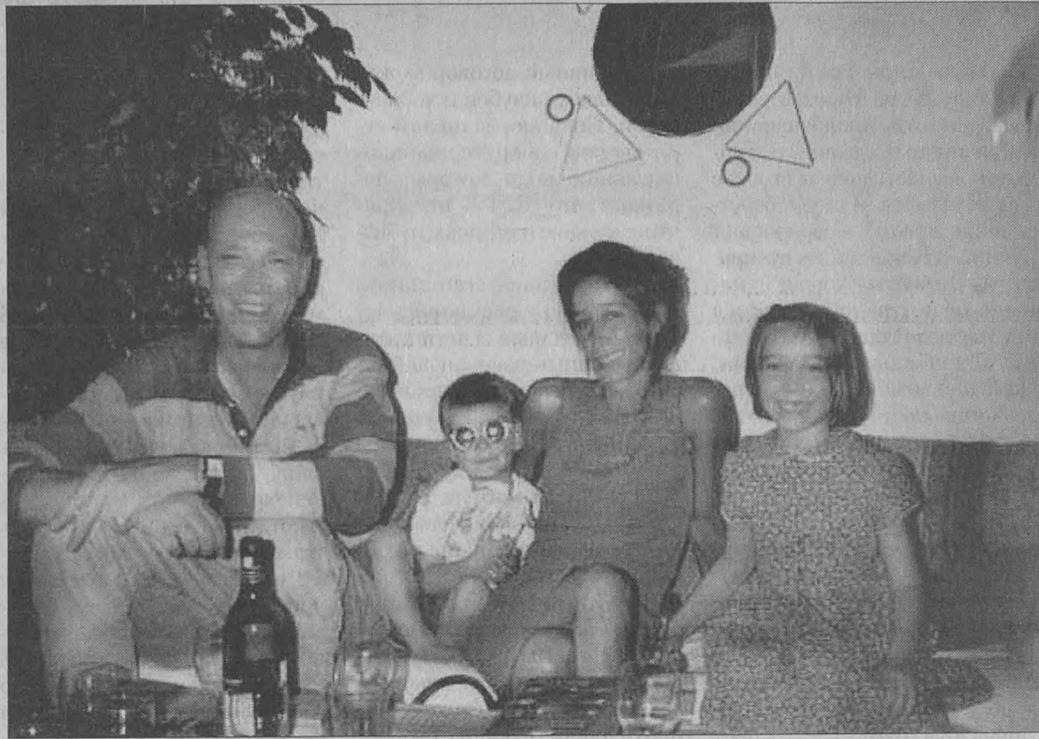
— Прежде всего это основоположник художественного проекта. Конечно, он его финансирует, но не только. Именно он делает художественный выбор — кто будет дирижер, режиссер, художник, певцы, танцовщики и что они будут представлять.

— В какой сфере работаете вы?

— На Западе существует три категории: во-первых, классическая музыка и джаз; во-вторых, театр и в-третьих — популярная музыка или, условно говоря, варьете.

— Простите, джаз вы отнесли к классике?

— Согласитесь, он где-то посредине. Как и жанры crossover — пограничные, перекрестные.



Семья импресарио

— Поп-программа оперного певца, три тенора — это кроссовер?

— Да, как и все более демократичное, с более доступным репертуаром. Лично я занимаюсь классической музыкой — оркестрами, балетом, оперой, кроссовер и еще — мюзик-холлом, который мы условно отнесли к разделу варьете.

— Куда бы вы отнесли мюзиклы? Они у нас сейчас в большой моде.

— Это ближе к варьете. Но тут надо смотреть на публику. На потребителя. И — кто автор, кто композитор.

— С чего вы начинали? Как приходят в эту профессию?

— Я начинал как агент. Затем унаследовал агентство, созданное моим отцом. А вот отец начинал сам. Дедушка-то мой был философ. А папа сначала работал музыкантом... Вообще в Европе в импресарскую профессию часто приходят актеры. Я бы даже сказал, чаще, чем кто-либо. Встречаются и юристы, и коммерсанты. Но, как правило, это весьма культурные люди, понимающие в искусстве и, уж конечно, любящие его.

— В Москве классические музыканты зарабатывают очень мало, скажем, сто долларов в месяц.

— Таков ваш сегодняшний экономический контекст. Конечно, в любой культурной стране они зарабатывают несравненно больше.

— Видимо, классическая музыка для нас пока слишком большая рое-

кошь. А как в мире? Симфонический концерт — это роскошь, за которую зритель готов платить немалые деньги?

— Оркестр — это очень дорогая вещь. Круг ценителей сужается. Публика не обновляется — молодежь предпочитает другие развлечения. В Европе оркестры живут на государственные субсидии. В Америке оркестры частные, но держатся на пожилых уже миллионерах, и перспективы неясны.

— У нас говорят, что и опера умирает.

— С оперой получше. Опера все-таки предполагает зрелищность. Нечто живое на сцене. И есть немало трупп, способных обновить жанр.

— Есть ли в мире такая профессия — оперный режиссер?

— Оперы ставят театральные режиссеры. Иногда они делают это, практически не зная музыки. В европейском музыкальном театре определяющую роль играет дирижер. Все крупные площадки функционируют под началом дирижеров.

— В нашей театральной среде вопрос, кто главнее — дирижер или режиссер, обсуждается остро. Можно ли грубо обобщить, что дирижер в опере «главнее»?

— Да. Режиссер-постановщик иногда может встать на равных с дирижером, но выше — никогда.

— Каково, по-вашему, будущее оперного театра?

— Он не пропадет. Во всех странах, не исключая и России, государство склонно под-

держивать оперу. Так что она держится не только на продаже билетов.

— Какая нужна сумма, чтобы поставить качественный оперный спектакль? Вот, например, прихожу я к губернатору или к мэру и мне нужно назвать сумму...

— Трудно просить что-либо, не составив бюджета проекта. Все начинается с бюджета! Вы кладете на стол все элементы проекта — сколько надо оркестрантов, декорации, костюмы, гонорар постановщику и так далее. Добавляете 30 процентов — это будет искомая сумма. Вот мы, например, делали «Веселую вдову» для Америки. Получилось 400 — 500 тысяч долларов без зарплат артистам. Это была небольшая постановка. Но если брать «Опера Бастий» — только на постановку надо миллиона два.

— Суммы в российском понятии огромные. При этом вы же не можете быть уверены, что проект будет успешным. Чем вы успокаиваете себя в случае провала? Тем более, что у вас была душа философа...

— Чтобы не слишком уж огорчаться, обязательно надо работать со многими компаниями. На несколько фронтов. Провал на одном, а на другом — успех. Нельзя все яйца класть в одну корзину. И надо все время запускать и запускать проекты. Интересно привлекать к работе новые коллективы, а уж как интересно расширять географию!

Это поддерживает интерес к профессии.

— Сколько проектов в год у вас бывает?

— Многое зависит от географической картины. Я работаю с сорока коллективами, но это еще не значит, что я делаю 40 гастролей в год. Если считать крупные гастролы и выступления на больших фестивалях, у меня получается 10–15 проектов в год.

— Есть ли мода на оперы и балеты? И какая на что в разных странах?

— Мода совершенно не зависит от страны.

— Ну, спрос, скажем так.

— В Америке, если говорить о балете, спрос на чистую классику.

— Дозрели...

— Европе сегодня более интересен современный танец — contemporary dance. И опера XX века.

— А какая самая популярная сейчас опера?

— Чаще всего играют все-таки «Кармен». Но важно понять, что есть простая, околотрагедийная публика. И ее любовь к «Кармен» не определяет вкусы изысканной культурной элиты.

— Есть ли у импресарио какие-нибудь свои съезды, конференции? Собираетесь ли вы, например, раз в год, чтобы договориться о гонорарах тем или иным артистам, «больше 30 тысяч не платить»?

— Между частными компаниями не принято договариваться, кто, кому, сколько. Каждый работает со своими артистами, что платит, то платит. В государственных театрах, которые приглашают певцов, дело обстоит иначе. Но я — частник.

— Какие качества московской «Геликон-оперы» вас привлекли?

— Многие. Талант и изобретательность режиссера Дмитрия Бертмана. Его способность совершенно по-новому подать избитое сочинение. Привнести в него неожиданную новизну. И мне очень нравится дух, царящий в самой труппе. Здесь все, как одна семья. Это очень приятно. Работа, деньги — это понятно. Но как же важно, с какими людьми ты имеешь дело! Все это вместе дало уникальный театр, труппу с неповторимой манерой работы, с невиданной способностью выкладываться. Других таких коллективов я не встречал.

— Но вы говорили, что дирижер в оперном театре

важнее. А здесь преобладает режиссура.

— В данном случае то, что режиссер узурпировал власть, не мешает музыкальной стороне спектаклей. Во-первых, Бертман хорошо образован и сам прекрасно слышит. Во-вторых, он окружил себя серьезными музыкантами. Оркестр, хор просто великолепны. А некоторые солисты «Геликона» делают успешную международную карьеру.

— С кем вы еще имеете дело в России?

— Работал с театром Покровского. С оркестром Рождественского. С оркестром Федосеева. Что касается балета — сейчас работаю с труппой Владимира Моисеева, внука Игоря Моисеева.

— Какие фестивали особенно важны для продюсера, импресарио?

— Я бы назвал Глайндборнский в Англии, Экс-ан-Прованский фестиваль во Франции и, конечно, Зальцбургский в Австрии. Это три самых главных оперных.

— Не хотели бы вы сами что-нибудь поставить?

— Нет ничего хуже импресарио, который хочет стать артистом или режиссером. Каждый своя профессия. Конечно, не возбраняется давать ценные советы. Подкидывать идеи. Можно, как я уже говорил, что-то заказывать. Но ставить спектакль должен хороший режиссер.

— А у вас есть любимая опера? Только не говорите: «Ненавижу все!».

— Люблю «Сказки Гофмана», «Онегина». «Леди Макбет Мценского уезда».

— У вас много детей. Каковы их музыкальные вкусы?

— Детей у меня шестеро. Начнем со старшего: ему 22, он любит техно, танцевальную музыку ночных клубов. А проще сказать — ему важно пойти туда, где можно встретить девушек. Старшей дочери 20 лет, и она не слушает, по-моему, ничего. 16-летняя дочка предпочитает Бритни Спирс. 14-летний сын довольно неординарен: ему нравятся музыка Ближнего Востока. У меня очень музыкальная 6-летняя дочка. Когда ей было 3 года, она в записи увидела «Сказки Гофмана» в постановке Дмитрия Бертмана — и была зачарована. А самому младшему четыре года. Пока ему нравятся только машины и еще больше — тракторы. Вот так.